

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ! ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ! ПРОЛЕТАРЫ УСІХ КРАЇН, ЄДНАЙЦЕСЯ!
БҮТҮН ӨЛКӨЛӨРИН ПРОЛЕТАРЛАРЫ, БИРЛЭШИН! БУТУН ДУН'Ё ПРОЛЕТАРЛАРИ, БИРЛАШИНГИЗ! ПРОЛЕТАРХОИ ХАМАИ МАМЛАКАТХО, ЯК ШАВЕД!
BUTYN ӨЛКӨЛӨРДҮН ПРОЛЕТАРЛАРЬ, БИРЛЭШИН! БУТУН ДУН'Ё ПРОЛЕТАРЛАРИ, БИРЛАШИНГИЗ! ПРОЛЕТАРХОИ ХАМАИ МАМЛАКАТХО, ЯК ШАВЕД!
BARLYQ ELDERDYN PROLETARLARЬ, BIRLESHIN! BARDYQ ӨLKӨLӨRDYN PROLETARLARЬ, BIRIKKILE! KAIKKIEN MAIDEN PROLETAARIT, LIITTYKÄÄ YHTEEN!
ПРОЛЕТАРЬ ДИН ТОАТЕ ЦЭРИЛЕ, УНИЦЬ-ВЭ! VISU ŠALIŲ PROLETARAI, VIENYKITĖS!
VISU ŽEMJŲ PROLETARIEŠI, SAVIENOJATIES! KÕIGI MAADE PROLETAARLASED, ÜHINEGE!

ГОД ИЗДАНИЯ 24-й

№ 287 (7359)

ЧЕТВЕРГ

12

ДЕКАБРЯ

1940 г.

Цена 10 коп.

ИЗВЕСТИЯ

СОВЕТОВ
ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ
СССР

Гигант русского театра

Как-то я получил от Владимира Ивановича письмо, которое заканчивалось так:

«Будут встречи...»

Встречи с ним — это целые главы интереснейших размышлений, бесед, воспоминаний. Во время этих встреч никто не мешает ему не спеша говорить, а мне слушать. Он как бы приносит с собой плоды своих раздумий.

Вся жизнь Владимира Ивановича определялась работой для театра или в театре, все его творчество направлено было к тому, чтобы совершить реформу в искусстве театра, отвечающую его воззрениям на работу актера и режиссера. Круг его размышлений содержит в себе преимущественно вопросы искусства и литературы. В. И. Немирович-Данченко — критик, драматург, режиссер, педагог.

В повести Тургенева «Довольно» читаем: «...сама природа, в непрерывной игре своих возникающих, исчезающих форм, не чуждается красоты. Не она ли старательно убирает самые мгновенные из своих детищ — лепестки цветов, крылья бабочек — такими прелестными красками, не она ли придает им такие изящные очертания? Красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной — ей довольно одного мгновения».

Сколько раз я слышал от Владимира Ивановича на репетициях, в длительных обсуждениях работ актеров над ролью, в шопотом сказанной на ухо фразе во время спектакля, что даже только для одного мгновения, когда актер силой своего вдохновения покоряет зрительный зал, — может существовать весь спектакль.

Сколько раз я слышал от Владимира Ивановича о том, что живая природа артиста на сцене скажется в каждом его положении, поступке, устремлении, если верно направлен его темперамент. Артист должен жить на сцене подлинной жизнью, отдаваясь всей своей натурой тому, что интуитивно схватил в природе воплощаемого им человека.

Почти каждый день после репетиций я вхожу в кабинет Владимира Ивановича. Минувая тускло освещенный днем коридор баль-этажа, отворив маленькую дверь, подхожу к угольному дивану, на котором он чаще всего отдыхает. Я никогда не могу заставить себя не думать о том, что этому человеку, одним своим видом заставляющему любого держаться подтянуто, всегда строго одетому, даже дома, свойственно нечто такое, что в нашем представлении окружало и что напоминает нам Тургенева, Чехова, Григоровича. Манерой ли держаться, особенностью ли интонации, характером ли разговора и общения с собеседником? Не знаю.

Когда я беседую с Владимиром Ивановичем, чувствую себя так, точно тут, близко, герои произведений Тургенева, Чехова, Льва Толстого, Островского. Дело вовсе не в том, что Немирович-Данченко — современник этих великих русских писателей и с каждым из них встречался, творчески общался. Дело в том, что выдвинутые ими идеи, вошедшие в историю нашей культуры, в историю нашего искусства, горячо волновали Владимира Ивановича. В его деятельности они получали свое разрешение — и в сценических образах, и на страницах его книг, и в его многочисленных выступлениях.

Было бы неверно говорить о Немировиче-Данченко, как о человеке книжной мысли или театрального деятеле, который понятен только в стенах театра. Совсем нет. Я бы даже сказал, что самый облик его — не театральный. Это человек — весь в нашей прекрасной современной жизни, несмотря на его почтенные годы. От него веет жизнью шумной и разнообразной, кипящей и переливающейся яркими, солнечными красками.

Владимир Иванович неутомим. Он — участник десятков заседаний, подготовлявших устав союза рабис. Нет почти ни одного живого начинания, почти ни одного крупного явления в области театральной культуры Советского Союза, которое так или иначе не связано с именем Немировича-Данченко. На приемах в Кремле, в дружеских беседах со Стахановым, с командирами Красной армии и флота, работниками периферийных театров он вбирает в себя все

живое и ценное, вдохновенно отдавая свой труд и талант социалистическому искусству и культуре.

Два года назад, накануне сорокалетнего юбилея Художественного театра, Вл. И. Немирович-Данченко писал на страницах «Известий»:

«Понадобилась Октябрьская социалистическая революция для того, чтобы в быт, в жизнь, в искусство вдруг ворвался прожектор, и в свете его стали видны раздельно крупное от мелкого, важное от второстепенного, истинная честность от показной. Революция потребовала смелости, взмаха фантазии, она укрепляла веру в то, что раньше казалось самым несбыточным».

Эти слова Владимир Иванович целиком подтвердил и каждодневно подтверждает на практике.

Встречи Немировича-Данченко с Горьким в первые дни его вступления в драматургию, в период постановки пьес «Мещане», «На дне» и «Дети солнца», накануне и во время империалистической войны, вплоть до последнего года жизни великого писателя создали целую эпоху в искусстве Художественного театра.

В упомянутой статье Вл. И. Немирович-Данченко писал о Художественном театре:

«Да, теперь это театр Горького! Но театр Горького не исключает театра Чехова, а как бы вбирает его в себя».

Мы постараемся сохранить все обаяние чеховских спектаклей, но, возобновляя их, мы дадим уже Чехова очищенным от штампов, накопившихся в нашем собственном искусстве и осознанных нами под напором идей, охватывающих нас, как членов новой, советской интеллигенции».

Поставленная им в 1940 году пьеса Чехова «Три сестры» доказала правильность высказанного Владимиром Ивановичем. Искусство, каким сейчас владеет Художественный театр, позволило ему с удвоенной силой засверкать чудесными красками творчества Чехова. Через новые актерские индивидуальности, освобождаясь от сентиментальности и резонерства, МХАТ вступил в новую полосу своего искусства, определенную Вл. И. Немировичем-Данченко как искусство мужественной простоты. «В образе, в стихе, в характере должна быть идея, — пишет Владимир Иванович, — и все это должно быть глубоко жизненно, но и ярко театрально».

Начиная с постановки «Воскресения» Толстого, в спектаклях «Враги» Горького, «Любовь Яровая» Тренева, «Анна Каренина» и вплоть до «Трех сестер» Немирович-Данченко укрепляет принципы, легшие в основу новой полосы искусства Художественного театра. Борьба с банальностью, «традициями», штампами ложно понимаемого романтизма, декламационности и позерства, с одной стороны, и «простецкостью» и традициями, т.-е. штампами самого МХАТ, с другой, — огненными буквами написана на знамени искусства, которое утверждает Вл. И. Немирович-Данченко.

В «Трех сестрах» Немирович-Данченко боролся за искусство настоящего художественного реализма. Исходя из сценических средств выражения автора, он обретает четкость композиции, во всем спектакле осуществляет единый принцип постановки.

Много раз я задумывался над тем, почему Владимир Иванович постоянно и так упорно обращает внимание на то, чтобы учли **весь** опыт организации и организованности МХАТ. И однажды после как бы мимоходом брошенной фразы: «Художественный театр должен бороться за то, что найдено, и за то, что мы ищем», я понял. Для того, чтобы в МХАТ не погасла страстность, в нем должна быть крепкая творческая дисциплина.

И не случайно за все 42 года существования Художественного театра Владимир Иванович всегда в своем кабинете — по крайней мере за десять минут до начала репетиции или заседания. Он входит на репетицию минуту в минуту в тот час, когда она назначена. Бодрый, вечно юный, творчески собранный, он работает без перерывов, со страстью, забывал, что уже пройден его восьмидесятилетний юбилей.

Вас. САХНОВСКИЙ,
народный артист РСФСР.